

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А VIII.

Три русскихъ экономиста: Константинъ Степановичъ Веселовскій.—Николай Христіановичъ Бунге.—Александръ Ивановичъ Чупровъ.—Ихъ отношенія ко мнѣ, и чѣмъ я имъ обязанъ.—Ученые труды К. С. Веселовскаго и изытаніе (уничтоженіе) въ эпоху реакціи, начала 50-хъ годовъ XIX вѣка, главнѣйшаго изъ нихъ: „Статистики недвижимыхъ имуществъ г. С.-Петербурга“.—Переломъ характера всей его научной дѣятельности.—Моя промоція въ члены Академіи Наукъ.—Переписка съ Н. Х. Бунге и К. С. Веселовскимъ.—Проектъ изданія Академіей Экономическаго Словаря и крушеніе этого плана со скорой кончины Бунге.—А. И. Чупровъ, наша дружба и какъ она поддерживалась.—Взаимныя услуги и одолженія: примѣры ихъ для обѣихъ сторонъ.—Старанія напр. А. И. къ прекращенію моего конфликта со студентами 19 февраля и въ свою очередь мои хлопоты для устраненія горестнаго проекта Министерства Народнаго Просвѣщенія къ удаленію Чупрова изъ Московскаго Университета.—Противоположность характеровъ А. И. Чупрова и Николая Павловича Боголѣнова.

Въ 1901 году скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Россіи, Константинъ Степановичъ Веселовскій. Въ его лицѣ Россія лишилась одного изъ своихъ скромныхъ, но даровитѣйшихъ ученыхъ, а наша Академія Наукъ одного изъ трудолюбивѣйшихъ и полезнѣйшихъ сочленовъ. Лишь немногіе наши ученые даже могутъ сравниться, по энциклопедичности своего образованія и своихъ трудовъ, съ покойнымъ академикомъ. Статистика, народное хозяйство, математика, сельское хозяйство, агрономія, астрономія, метеорологія, климатологія, составляли предметъ занятій и серьезныхъ трудовъ этого ученаго, котораго я имѣлъ счастье узнать лишь въ позднѣйшіе годы его

жизни, и которому обязанъ въ значительной степени своимъ привлеченіемъ и выборомъ въ нашу Академію. Познакомимся сначала съ его научною дѣятельностью, а затѣмъ и съ личными ко мнѣ отношеніями и встрѣчами.

Въ области экономическихъ наукъ, которыми К. С. Веселовскій наиболѣе занимался, онъ оставилъ, помимо нѣсколькихъ крупныхъ сочиненій, поразительное количество журнальныхъ статей, небольшихъ, но важныхъ монографій и критическихъ работъ всякаго рода. Знакомясь съ его многолѣтней дѣятельностью и возстановляя въ памяти имъ сдѣланное, я не зналъ часто, чему болѣе удивляться, его неистощимому трудолюбію, или замѣчательной разносторонности и энциклопедичности его образованія. Въ области экономическихъ наукъ онъ былъ прежде всего, по своимъ вкусамъ и наклонностямъ, статистикъ съ хорошей экономической подготовкой, а потому вѣроятно его перу и принадлежитъ цѣлый рядъ очерковъ и біографій: Эйлера, Никиты Попова и другихъ математиковъ и членовъ Академіи XVIII и начала XIX вѣка.

Интересуясь математикой и будучи статистикомъ, К. С. Веселовскій въ то же время былъ серьезнымъ финансистомъ и изслѣдователемъ разнообразнѣйшихъ экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, и русская наука обязана ему нѣсколькими прекрасными по этому вопросу монографіями. Едва-ли еще не больше его трудамъ обязана наука сельскаго хозяйства: его перу принадлежитъ нѣсколько огромныхъ работъ и обзоровъ сельскохозяйственной дѣятельности въ Россіи за сто лѣтъ, помимо множества разнообразныхъ монографій по разнымъ мелкимъ вопросамъ сельскаго хозяйства.

Такова была разнообразная и научная продуктивность Константина Степановича до 50-хъ годовъ XIX вѣка. Съ этого времени, по причинамъ, которыя мы будемъ излагать отдѣльно, спеціальность Веселовскаго измѣнилась. Его труды, вмѣсто политической экономіи, посвященные климатологіи и метеорологіи Россіи, составили въ свое время единственные капитальныя по этимъ вопросамъ изслѣдованія.

Любопытно, что въ научныхъ вкусахъ и вліяніяхъ, которымъ подвергался почтенный русскій ученый въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, замѣчается удивительное совпаденіе въ тѣхъ же самыхъ факторахъ, подъ вліяніемъ которыхъ началъ работать и я, какъ объ этомъ было мною описано въ первой главѣ моихъ „Воспоминаній“ (см. „Русская Старина“, октябрь, 1909 г.), а именно творенія великаго бельгійскаго ученаго Адольфа Кеттле, возрѣнія котораго произвели цѣлый переворотъ въ области общественной статистики и статистики народонаселенія, за 25 лѣтъ еще до меня, остались не безъ

сильнаго вліянія также на направленіе первыхъ трудовъ и научные вкусы Константина Степановича. Въ своихъ сочиненіяхъ, появившихся въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ мірѣ личной жизни человѣка, его дѣйствій и всей общественной системы, гдѣ видимо все совершается по вкусу и капризу пидвидовъ, Кеттле внесъ порядокъ и на мѣсто произвола выставилъ закономерность соціальныхъ явленій. Въ его „Среднемъ человѣкѣ“, онъ создалъ типъ человѣка, олицетворяющаго соціальное тѣло, которое сохраняется въ силу постоянныхъ или періодически дѣйствующихъ причинъ, отысканіе которыхъ и составляетъ главную задачу статистики, или соціальной физики, какъ онъ ее назвалъ, дѣйствія которой считались совершенно произвольными или же объяснялись неизвѣстными еще или неизслѣдованными законами природы. Его письма о теоріи вѣроятности представляютъ собою попытку примѣненія этой теоріи и явились первымъ пособіемъ къ изученію новой статистики, имъ установленной.

Новыя идеи Кеттле въ 40-хъ годахъ поразили молодое воображеніе почтеннаго академика, такъ же какъ сдѣлали это въ 60-хъ годахъ относительно меня, и Веселовскій съ жаромъ принялся за цифры и изученіе съ помощью ихъ различныхъ общественныхъ явленій. Къ этому именно періоду относятся два его замѣчательныхъ изслѣдованія подъ названіемъ: первое „О вліянніи временъ года на здоровье и жизнь человѣка“ и второе, еще болѣе важное, „Опыты нравственной статистики Россіи“. Въ первомъ трудѣ онъ изслѣдуетъ, во всеоружіи европейскихъ знаній, тогда еще мало затронутый у насъ вопросъ по медицинской статистикѣ, о заболѣваемости и смертности въ нашихъ городахъ, преимущественно въ Петербургѣ, Одессѣ, сравнительно съ Европой, особенно съ Берлиномъ и Парижемъ, при чемъ приходитъ ко многимъ самостоятельнымъ и новымъ для того времени выводамъ, при своеобразности многихъ русскихъ условій городской жизни и при сопоставленіи ихъ съ извѣстными по этому роду данными на Западѣ.

Другой трудъ, „Опыты нравственной статистики“ представляетъ собой самостоятельную провѣрку началъ гипотезы новаго статистическаго метода, созданнаго Кеттле, въ примѣненіи къ важному, совершенно новому тогда вопросу о самоубійствѣ, начало цѣлой серіи изслѣдованій по нравственной статистикѣ, къ сожалѣнію не доведенныхъ до конца по независящимъ отъ него обстоятельствамъ (вѣроятно, главнымъ образомъ, цензурнымъ).

Не останавливаясь на многочисленныхъ, какъ мы упомянули, изслѣдованіяхъ Веселовскаго по сельскому хозяйству, мы перейдемъ прямо къ важнѣйшему труду академика, составляющему переломъ въ его дѣятельности и положившему начало совершенно но-

вой его специальности—въ области метеорологіи и климатологіи. Какъ извѣстно, конецъ 40-хъ годовъ, къ которому относится разгаръ статистической ученой дѣятельности К. С. Веселовскаго, принадлежитъ къ эпохамъ нашей исторіи, весьма неблагопріятнымъ для свободной научной дѣятельности въ области изслѣдованій какихъ-либо общественныхъ явленій, требовавшихъ свободного и самостоятельнаго анализа этихъ явленій. Въ это именно время, второй половины 40-хъ годовъ, было окончено тогда молодымъ авторомъ важнѣйшее экономическое изслѣдованіе его времени: „Статистика недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ“, основанное на результатахъ произведенной въ 1843 и 1844 годахъ оцѣнки домовъ и недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ, для распредѣленія сборовъ съ этихъ имуществъ на городскія и общественныя надобности. Часть этихъ изслѣдованій гораздо позднѣе (на 10 лѣтъ) была прочитана авторомъ въ Географическомъ обществѣ, а небольшой кусокъ даже былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ того времени (1848 г.); что же касается до этого замѣчательнаго изслѣдованія въ цѣломъ, то судьба его, какъ любилъ нѣкогда выражаться учебникъ русской исторіи Кайданова, „покрыта мракомъ неизвѣстности“, какъ видно изъ единственнаго полного экземпляра этого труда и замѣчанія, сдѣланнаго на его поляхъ покойнымъ Константиномъ Степановичемъ. Нигдѣ болѣе цѣльнаго экземпляра не существуетъ, а свой единственный экземпляръ, подаренный мнѣ высокочтимымъ академикомъ, я счелъ долгомъ передать въ Академическую Библіотеку.

По существу содержанія „Статистика недвижимыхъ имуществъ“ представляетъ собою не только полный критическій разборъ добытыхъ указанными переписями данныхъ о недвижимыхъ имуществвахъ Петербурга и интересъ съ финансовой точки зрѣнія, но еще болѣе представляетъ важности съ общественной—для сужденія о жилищности населенія того времени.

Этотъ фактъ исчезновенія столь невинной по содержанію книги, съ большими неприятностями и послѣдствіями для автора, рассказанъ академикомъ Веселовскимъ въ двухъ мѣстахъ; во-первыхъ, когда-то кратко на страницахъ „Русской Старины“ и затѣмъ въ подробномъ письмѣ ко мнѣ лично, на мой запросъ объ этомъ произведеніи почтеннаго академика. Несомнѣнно, что „Статистика недвижимыхъ имуществъ“ навлекла на голову молодого тогда автора крупную неприятность и угрожала прекратить его ученую дѣятельность въ началѣ самымъ рѣзкимъ образомъ, и только случайнымъ и счастливымъ для автора обстоятельствамъ нужно приписать бла-

гополучное для него окончаніе этой крупной экскурсіи въ область хозяйственной статистики города Петербурга.

Въ 1893 году я имѣлъ честь познакомиться съ Константиномъ Степановичемъ на обѣдѣ у другого нашего знаменитаго ученаго и общественнаго дѣятеля Н. Х. Бунге, гдѣ онъ отнесся ко мнѣ крайне любезно и дружелюбно, заявляя желаніе имѣть полное собраніе моихъ научныхъ работъ, такъ какъ лишь нѣкоторыя ему были знакомы. Я обѣщался ему немедленно собрать ихъ, еще прежде, чѣмъ вернусь въ Москву, въ петербургскихъ книжныхъ лавкахъ и у издателей, но внезапно простудился и заболѣлъ, почему поспѣшилъ домой въ Москву, и уже оттуда выслалъ ему все обѣщанное, хотя все-таки съ нѣкоторыми дефектами. Въ отвѣтъ получилъ обширное, на цѣломъ большомъ листѣ благодарственное письмо, съ приложеніемъ, въ свою очередь, разнообразныхъ трудовъ академика и въ томъ числѣ *и единственныи экземпляръ* этого изслѣдованія о „недвижимыхъ имуществахъ Петербурга“. Письмо это, съ объясненіемъ по поводу исчезновенія книги и сравненіемъ нынѣшняго времени со „старымъ добрымъ временемъ“, я и привожу:

„Взамѣнъ личной бесѣды, вы мнѣ дали щедрою рукою другое средство болѣе близкаго съ вами знакомства: по вашему распоряженію, я получилъ отъ Карбасникова, въ два приема, богатое, почти полное собраніе вашихъ для меня въ высшей степени интересныхъ и поучительныхъ сочиненій — плодъ цѣлой жизни, отданной наукѣ. Если справедливо, что всякій писатель вкладываетъ въ свои творенія лучшую часть своей души, то это особенно можно сказать именно о вашихъ сочиненіяхъ, которыя всѣ имѣютъ одинъ весьма замѣтный характеръ, — служить на пользу человѣчества и, будучи взяты въ ихъ совокупности, выражаютъ весьма явственно альтруизмъ автора. Не знаю, какъ лучше выразить мою мысль. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій были мнѣ извѣстны только по наслышкѣ, по газетнымъ статьямъ, — но я теперь съ жадностью принялся за ихъ чтеніе, особенно обязали вы меня сообщеніемъ списка важнѣйшихъ ученыхъ трудовъ вашихъ; онъ мнѣ именно теперь понадобился, и если бы не ваше любезное сообщеніе, то я долженъ былъ бы употребить не мало времени на составленіе такого списка по библиографическимъ указателямъ и по каталогу Академической Библіотеки, которая не можетъ похвалиться порядкомъ“.

„Но получивъ отъ васъ такъ много вашихъ сочиненій, я остаюсь у васъ по уши въ долгу. Я послалъ вамъ кое-что изъ послѣдне напечатаннаго мною, но потому только, что это еще нашлось у меня

подъ руками, а прочихъ моихъ трудовъ, — однихъ у меня болѣе нѣтъ экземпляровъ, другіе не могли бы для васъ имѣть интереса, либо по предмету своему (по метеорологіи и климатологіи), либо какъ уже очень устарѣвшіе. Вы счастливы, что при той специальности, какую вы себѣ избрали, ваша ученая карьера протекаетъ въ эпоху благопріятную у насъ для политическихъ наукъ. Но не такова была моя судьба: избравъ въ пору неопытной юности эти именно науки, какъ такія, которыя давали возможность трудами въ ихъ области быть полезнымъ для соотечественниковъ („къ учености для учености“, къ бездушнѣйшей эрудиціи—я не чувствовалъ симпатіи), я работалъ, сколько позволяли мнѣ развѣ тогдашнія внѣшнія условія, но когда за статью, напечатанную мною въ 1848 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (часть 57, отд. II, стр. 28) о „Статистикѣ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ“, я чуть было не подвергся административной ссылкѣ въ мѣста не столь отдаленныя обширнаго нашего отечества (подобно Салтыкову, Костомарову, Надеждину, Данилевскому *et tutti quanti*), то каюсь, не ощутилъ въ себѣ охоты разыграть роль мученика за идеи и разомъ повернулъ на такія изслѣдованія, въ которыхъ можно было говорить безопасно всю правду, а именно, на изслѣдованіе климата Россіи и его вліянія на человѣка и его бытъ ¹⁾. Эти же самыя причины заставили меня потомъ принять предложенное мнѣ Академіею званіе ея Непремѣннаго Секретаря, тяготы котораго я несъ почти 35 лѣтъ и которое, если и налагало на меня необходимость почти совсѣмъ отказаться отъ собственныхъ ученыхъ трудовъ, но зато вполнѣ удовлетворяло моей душевной потребности—быть полезнымъ вообще для науки въ нашемъ отечествѣ“.

Въ дѣйствительности ученые труды Константина Степановича, несмотря на описанную катастрофу, не остановились, а только видоизмѣнились, такъ какъ его перу принадлежитъ крупный трудъ по хозяйственной статистикѣ „Атласъ Европейской Россіи“, выдержавшій въ сравнительно короткое время три изданія. Сюда же относится его важная работа для изученія общаго хозяйства Россіи, именно „Почвенная карта Европейской Россіи“, которая представляетъ собою критически обработанный сводъ лучшихъ свѣдѣній, какія въ то время возможно было собрать, и служила долго единственнымъ источникомъ для почвопознанія Россіи. Ему же принадлежитъ „Очеркъ статистики Царства Польскаго“, „Водныхъ путей сообщенія“,

¹⁾ Страшная кара постигла было за невинную книгу академика К. С. Веселовскаго по настоянію такъ называемаго „Негласнаго (Бутурлинскаго) Комитета“, учрежденнаго въ то мрачное время для сугубаго надзора за печатнымъ словомъ.

„Коммерческая статистика Испаніи и Португаліи“, множество критическихъ разборовъ и оцѣнокъ разнообразныхъ сочиненій, одно другого важнѣе, на примѣръ, „Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи Наукъ въ прошломъ и текущемъ столѣтіе“, „По поводу русской этнографіи“, „Устройство эмеритальныхъ кассъ“ и т. д., и т. д. Наконецъ, Константинъ Степановичъ, не говоря объ его заслугахъ по климатологіи, гдѣ долго его сочиненія были единственными въ Россіи по этому предмету, былъ незаурядный художникъ-живописецъ и художественный критикъ. Онъ оставилъ послѣ себя не одну картину собственной кисти и нѣсколько рецензій и статей по художественнымъ вопросамъ.

Подводя итоги всему, что я зналъ о личности и ученыхъ заслугахъ почтеннаго академика Веселовскаго, нельзя не придти къ заключенію, что его пытливому духу было какъ бы тѣсно въ предѣлахъ какой-нибудь одной спеціальности, какъ показываютъ всѣ указанная нами работы. Во всѣхъ разнообразныхъ сферахъ науки и искусства и всѣхъ областяхъ ихъ, которыхъ касался его трудъ, Константинъ Степановичъ Веселовскій выступалъ съ честью и по истинѣ оставилъ доброе имя. Какъ бы памятуя и слѣдуя словамъ евангелія, онъ „таланта въ землю не зарывалъ“ и пользовался съ выгодой для науки и окружающихъ всѣми разнообразными сторонами своего духа и способностей, не забывая и другого золотого правила, — любить людей. Константинъ Степановичъ отличался истиннымъ доброжелательствомъ ко всѣмъ окружающимъ и имѣющимъ съ нимъ дѣло людямъ. Благодаря его уму и наблюдательности, вмѣстѣ съ опытомъ его многолѣтней, долгой жизни, академикъ Веселовскій по истинѣ былъ „мудрымъ Улиссомъ“, незамѣнимымъ и драгоцѣннымъ совѣтникомъ во всѣхъ вопросахъ, не только касающихся Академіи Наукъ, но и просто въ серьезныхъ вопросахъ практической жизни. Онъ умѣлъ сказать всякому лицу, которое того заслуживало, доброе, ободряющее слово и сообщить умный, вполне идущій къ обстоятельствамъ дѣла, совѣтъ и указаніе. Въ добавокъ ко всему Константинъ Степановичъ вплоть до своей смерти сохранилъ полную ясность ума и даже воображенія. Это высокое качество, на-ряду съ многолѣтнимъ опытомъ, придавало необыкновенную привлекательность и мѣткость всѣмъ его сужденіямъ. Табъ, я припоминаю одинъ случай: однажды, исполняя его желаніе, я сообщилъ ему во время частной бесѣды объ одномъ у насъ социальномъ движеніи, преимущественно у молодежи, вызвавшемъ со многихъ сторонъ значительную долю осужденія и антипатіи. Выслушавъ мою, можетъ быть, нѣсколько запальчивую рѣчь объ ихъ увлеченіяхъ и сумасбродныхъ фантазіяхъ, Константинъ Сте-

пановичъ закончилъ, какъ добрый и умный предсѣдатель на судѣ, такимъ выводомъ: „А, вѣдь, несомнѣнно, у нихъ были все-таки добрыя намѣренія, но зачѣмъ они такъ торопятся, такъ спѣшать?!“ Это въ высшей степени мѣткое и тонкое замѣчаніе покойнаго Константина Степановича мнѣ всегда теперь приходитъ въ голову, когда я слышу или читаю о вѣрныхъ и быстрыхъ способахъ осчастливить человѣчество: „Да, да, зачѣмъ подобные реформаторы торопятся, зачѣмъ не хотятъ знать исторіи и, попирая время, перескакиваютъ черезъ столѣтія?!“ какъ это вѣрно замѣтилъ почтенный академикъ Веселовскій.

Въ моей личной жизни, какъ было упомянуто раньше, К. С. Веселовскій вмѣстѣ съ почтеннымъ Н. Х. Бунге играли важную роль въ моемъ привлеченіи въ Академію и выборѣ въ академики. Это событіе произошло слѣдующимъ образомъ: какъ я уже упоминалъ въ главѣ шестой моихъ записокъ, въ 90-хъ годахъ на моихъ лекціяхъ произошелъ такъ называемый беспорядокъ, вызванный моимъ несогласіемъ подчиниться желанію кучки студентовъ, даже большею частью не изъ моихъ слушателей, сорвать лекцію на 19 февраля, чтобы сдѣлать начальству демонстрацію. Я всячески первоначально убѣждалъ ихъ, если желаютъ отпраздновать память великаго освобожденія крестьянъ, употребить другой для этого способъ, путемъ, на примѣръ, складчины и основаніи читальни, къ чему какъ разъ въ это время призывали газеты отъ имени Вольно-экономическаго Общества, но все было тщетно. Представители демонстрантовъ-студентовъ, ко мнѣ явившіеся, требовали рѣшительно и настаивали на одномъ, на отмѣнѣ чтенія. Въ то же время мои постоянные слушатели, и при томъ въ довольно большомъ количествѣ, изъявляли свое желаніе, чтобы чтеніе состоялось, и я не пропускалъ лекцій. Между этими двумя противорѣчивыми требованіями я предпочелъ наиболѣе правильный, законный путь—читать въ этотъ день и этимъ вызвалъ беспорядокъ, прервавшій лекціи на цѣлую недѣлю, пока понемногу, при дружномъ содѣйствіи моихъ друзей, профессоровъ Эрисмана и Чупрова, студенты успокоились и лекціи опять пошли спокойно, своимъ ходомъ.

Не имѣя никогда въ теченіе своего продолжительнаго профессорства подобныхъ столкновеній со студентами, бесполезно говорить, я былъ глубоко огорченъ. Тѣмъ болѣе всѣ признаки для будущаго представлялись крайне неутѣшительными. Студенты, видимо, поднимали головы въ своихъ требованіяхъ и брали на себя права, имъ не принадлежація, судить и рядить профессоровъ. Одновременно съ моей „исторіей“ произошло въ университетѣ нѣсколько еще болѣе прискорбныхъ столкновеній у различныхъ

лицъ изъ преподавателей; короче, будущее не предвѣщало ничего хорошаго. Можно было опасаться, что всевозможныя дурныя черты студенческаго своеволія разовьются въ будущемъ еще болѣе и принесутъ не мало огорченій, несмотря на всю мою корректность и доброжелательность къ учащимся. Я невольно задумался объ этомъ. Что же дѣлать? Тѣмъ болѣе, мнѣ оставалось какихъ-либо 5 или 6 лѣтъ до выслуги полной пенсіи и столь желаннаго званія заслуженнаго профессора. Какъ разъ въ это время, въ 1893 году произошло чрезвычайно пріятное для меня событіе, а именно наша Академія Наукъ премировала мою книгу „Основныя начала финансовъ“ преміей Грейга (которую я цѣликомъ пожертвовалъ въ Литературный фондъ) и одновременно избрала меня, совершенно для меня неожиданно, „членомъ-корреспондентомъ.“ Двое моихъ почетныхъ друзей и покровителей Константинъ Степановичъ и Николай Христіановичъ, награждая меня описаннымъ образомъ, какъ бы желали изгладить то грустное, непріятное впечатлѣніе, которое я переживалъ еще подъ вліяніемъ студенческаго безпорядка. Они хорошо понимали, какъ мнѣ, одному изъ любимыхъ и уважаемыхъ профессоровъ (несмотря на мою экзаменаціонную строгость), было тяжело и грустно ;оказаться безъ вины виноватымъ и проглотить ничѣмъ не заслуженную обиду, по капризу юношей, отчасти даже вовсе не моихъ учениковъ. Поэтому въ письмахъ этихъ обоихъ лицъ уже прямо подсказывался мнѣ совѣтъ, для моего будущаго, уйти изъ университета и окончить свою жизнь болѣе покойно въ стѣнахъ Академіи, безъ дальнѣйшихъ помѣхъ продолжая свои научныя занятія.

Привожу отрывки изъ современныхъ этому событію писемъ обоихъ уважаемыхъ академиковъ. Такъ К. С. Веселовскій, отъ 5 декабря 1893 года, сообщая мнѣ о пріятномъ событіи избранія меня въ члены-корреспонденты, дополняетъ это слѣдующимъ поясненіемъ: „Званіе члена-корреспондента — пишетъ онъ — есть почетное и безвозмездное, не налагающее никакихъ прямыхъ или опредѣленныхъ обязанностей; это есть только признаніе ученыхъ заслугъ, но Академія очень цѣнитъ, если членъ-корреспондентъ сообщаетъ ей, когда признаетъ то для себя удобнымъ, что-нибудь изъ своихъ трудовъ, печатныхъ или рукописныхъ, этихъ послѣднихъ для напечатанія въ ея изданіяхъ. Такими сообщеніями вы бы могли установить и поддерживать ближайшую связь съ Академіей, съ моею точки зрѣнія весьма желательную и вотъ почему: я, Божіею милостью, дожилъ до тѣхъ лѣтъ, что долженъ быть какъ пассажиръ, ожидающій со своимъ багажемъ на станціи своего поѣзда. Недаромъ же я и самъ составлялъ „Таблицы смертности“. Безпристрастное и нелицепріятное

знакомство съ трудами русскихъ ученыхъ по политической экономіи и статистикѣ привело меня къ твердому убѣжденію, что вамъ именно принадлежитъ безспорно первое право быть моимъ пріемникомъ въ Академіи. Скажу вамъ откровенно, между нами, что въ прошломъ году я имѣлъ эти виды на профессора Ю. Э. Янсона, а онъ такъ былъ глупъ, что взялъ да и умеръ раньше меня. Его смерть была для меня острымъ ножомъ въ сердце: такъ я сжился съ надеждой, что онъ будетъ моимъ замѣстителемъ въ Академіи. Свое мнѣніе объ его ученыхъ заслугахъ я высказалъ публично въ томъ докладѣ о его „Теоріи статистики“, котораго экземпляръ я, помнится, послалъ вамъ. Теперь между нашими статистиками нѣтъ никого, кто могъ бы быть поставленъ на-ряду съ Янсономъ, но зато въ области государственнаго хозяйства есть равныя ему ученые силы—и это вы. Вѣдь ученыхъ нельзя дѣлать по заказу: нѣтъ статистика, такъ можно взять политико-эконома, благо, по допотопному уставу Академіи, мое мѣсто академика по статистикѣ и политической экономіи... Я люблю Академію и желаю ей добра, а единственное добро, которое можно ей сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы привлекать въ нее самыхъ выдающихся дѣятелей по наукѣ. Въ этихъ-то именно видахъ, думая о пользѣ Академіи, я и считаю, что постольку важны въ настоящее время науки, какъ государственнаго хозяйства, важны именно съ точки зрѣнія современныхъ государственныхъ потребностей Россіи, въ высшей степени необходимо, чтобы Академія имѣла въ своей средѣ выдающагося представителя по этой наукѣ“.

„Вотъ вамъ, вмѣсто простаго отвѣта, еще въ придачу и моя исповѣдь, которая, какъ это само собою понятно, должна остаться пока абсолютно между нами“...

Единовременно съ этимъ отъ 30 декабря того же года Н. Х. Бунге, въ отвѣтъ на письмо мое, въ которомъ я благодарилъ за оказанную мнѣ Академіею честь, очевидно по его старанію и содѣйствію, писалъ мнѣ слѣдующее: „Многоуважаемый Иванъ Ивановичъ, отъ души благодарю васъ за любезное ваше письмо. Вы, конечно, знаете, какъ я васъ уважаю, какъ высоко цѣню вашу дѣятельность и ваши труды; но главнымъ дѣтелемъ и въ присужденіи преміи и въ избраніи васъ корреспондентомъ былъ К. С. Веселовскій. Онъ написалъ и отзывъ о вашей книгѣ и представленіе. Я только подписался на послѣднемъ, и съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что оно вполне совпадало съ моими взглядами на ваши труды и съ мнѣніемъ о вашихъ „Основныхъ началахъ финансовой науки“. Конечно, я могъ бы кое-что прибавить къ сказанному: вы одинъ изъ нашихъ экономистовъ, которые умѣютъ внести въ науку жи-

вую струю и умѣютъ это потому, что приступаютъ къ изслѣдованіямъ не во всеоружіи лишь „незыблемыхъ принциповъ“, а съ запасомъ добытыхъ истинъ для дальнѣйшаго ихъ развитія. Изъ моей академической дѣятельности выходитъ мало толку. Я не только старъ, но и достаточно занятъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Комитетѣ Министровъ и Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги и въ этомъ году рѣдко могъ являться въ академическія засѣданія, которыя совпадали часто съ комитетскими... Какое же было бы благо для Академіи, если бы она увидѣла васъ со временемъ ординарнымъ академикомъ!?!? Крѣпко жму вашу руку, душевно преданный

Н. Бунге“.

Этихъ двухъ писемъ двухъ почтенныхъ ученыхъ старцевъ достаточно, чтобы видѣть, что я, собственно, не столько самъ стремился и думалъ объ Академіи и переселеніи въ Петербургъ, сколько меня толкали и подсказывали объ этомъ эти заслуженные дѣятели на научной почвѣ, при первой же наградѣ, мною полученной отъ Академіи, и сношеніяхъ, возникшихъ по данному поводу. Разумѣется, я сначала колебался передъ этой обольстительной перспективой, принять ее или нѣтъ? Мнѣ крайне жалко было покинуть преподавательское дѣло и доброе отношеніе, установившееся у меня въ цѣломъ съ большинствомъ молодежи, меня окружавшей въ Москвѣ, но надвигавшееся на Россію смутное время чувствовалось больше и больше въ разныхъ проявленіяхъ безпорядковъ, сомнѣній и заносчивости молодежи, болѣе и болѣе захватывавшей въ свои руки политику и не принадлежащія ей права распоряжаться судьбами русскаго просвѣщенія. Уже въ слѣдующемъ году, 4 декабря 1894 года, Н. Х. Бунге обратился ко мнѣ съ рѣшительнымъ по этому предмету предложеніемъ: „Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда изъ Петербурга, осенью сего года К. С. Веселовскій и я порѣшили просить Васъ позволить выставить вашу кандидатуру въ Академіи, но тревоженія по случаю кончины Государя, а затѣмъ наши недуги помѣшали намъ исполнить наше намѣреніе, и я дѣлаю это только въ настоящее время“. Засимъ Н. Х. сообщаетъ что онъ спрашивалъ мнѣніе Л. Н. Майкова вице-президента, а равно, и Великаго Князя и нѣсколькихъ коллегъ, академикомъ, и что всѣ рѣшительно сочувствуютъ моему переходу въ Академію и никакихъ препятствій не предвидится, и именно въ ординарные академики. „Обрадуйте насъ“,—заключаетъ онъ письмо—*вашимъ согласіемъ* и сообщите мнѣ списокъ вашихъ сочиненій... Съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта. Крѣпко жму вашу руку. Душевно преданный

Бунге“.

Въ то же время К. С. Веселовскій подробно излагалъ мнѣ и указывалъ всю матеріальную сторону вопроса. Обдумавши и сообразивши, такимъ образомъ, дѣло со всѣхъ сторонъ и взвѣсивши всѣ pro и contra опять по рецепту и способу американца Франклина, я пришелъ къ рѣшительному заключенію принять лестное предложеніе и пожертвовать университетомъ для Академіи. Довольно быстро, въ какіе-нибудь три, четыре мѣсяца, вопросъ о моемъ избраніи въ академики, въ мартѣ 1905 года, былъ рѣшенъ утвердительно. Выборы мои прошли вполнѣ удовлетворительно, и я былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго академика; мнѣ представилось лишь одно затрудненіе: какъ поступить мнѣ, при переселеніи, съ моей огромной библіотекой, накопившейся въ теченіе всей моей жизни и достигавшей многихъ тысячъ номеровъ книгъ и разныхъ печатныхъ произведеній, отчасти даже рукописей? Оставить ее въ моихъ рукахъ, переселившись въ Петербургъ, невысказаннымъ препятствіемъ являлся ея размѣръ. Уже нѣсколько лѣтъ до своего переселенія, я вынужденъ былъ имѣть постоянное лицо для ея регистрированія и записи. Переселившись въ Петербургъ, я долженъ былъ бы увеличить размѣръ квартиры, чтобы ее вмѣстить и опять держать лицо для записей вновь входящихъ книгъ и общаго порядка въ ней.

Вообще мнѣ не разъ припоминалось замѣчаніе мудраго и опытнаго К. С. Веселовскаго: „Огромная библіотека ученаго, когда онъ не имѣетъ крупныхъ средствъ ее поддерживать, является какъ бы ядромъ на ногахъ каторжника“; поэтому самое естественное для меня, послѣ переселенія въ Петербургъ, было бы отдать ее въ то учрежденіе, при которомъ, предполагается, я долженъ кончить свои дни; но представьте мое удивленіе, увы! я получилъ отказъ въ моемъ желаніи, за недостаткомъ мѣста. Академія Наукъ, несмотря на бѣдность своей библіотеки экономическими книгами, особенно иностранными, рѣшительно отказалась принять мой даръ, при томъ на указанныхъ условіяхъ, чтобы библіотека эта не смѣшивалась съ прочими книгами, а по возможности была бы изолирована. Примѣрная стоимость моей библіотеки была не менѣе 30.000 рублей по моему расчету. Что было дѣлать въ данномъ случаѣ? Будучи очень друженъ съ главнымъ библіотекаремъ Московской библіотеки графа Румянцева, покойнымъ Н. И. Стороженко, я рѣшилъ было возвратитъ ее домой въ Москву и отдать въ эту Публичную библіотеку, но, увы! и тутъ, несмотря даже на личную дружбу, я встрѣтилъ рѣшительный отказъ по тѣмъ же мотивамъ. „Если, другъ, ты желаешь жертвовать намъ свою библіотеку, говорилъ покойный Николай Ильичъ, то сначала пожертвуй доста-

точно тысячь выстроить эту бібліотеку, а затѣмъ жертвуй и книги!“ Къ моему счастью въ это время Московскій университетъ, много лѣтъ хлопотавшій о средствахъ для устройства своихъ зданій, наконецъ получилъ ихъ и воздвигъ, между прочимъ, новое помѣщеніе для своего книгохранилища. Я воспользовался этимъ и предложилъ свою бібліотеку Московскому университету съ обѣщаніемъ отдать часть бібліотеки моей немедленно, а остальное послѣ моей смерти, съ нѣсколькими тысячами для ея устройства; и только на этихъ условіяхъ я могъ добиться согласія принять и получить мой даръ, всю мою умственную жизнь, собранную въ этомъ книгохранилищѣ: такъ трудно у насъ не только работать, но даже жертвовать и даромъ отдавать!!!

Итакъ, хотя не скоро, но вопросъ о судьбѣ моей бібліотеки наконецъ устроился. Но слѣдовало позаботиться и о собственной своей судьбѣ. Я еще не выслужилъ 30 лѣтъ, необходимыхъ для полной профессорской пенсіи, когда былъ избранъ въ Академію, и лишился бы профессорской пенсіи, имѣющей, какъ извѣстно, волшебное свойство сохраняться при всякомъ содержаніи. По совѣту моихъ мудрыхъ старыхъ друзей Бунге и Веселовскаго, пришлось начать новыя хлопоты, которыя на этотъ разъ, благодаря доброму и просвѣщенному вниманію С. Ю. Витте, тогда Министра Финансовъ, и графа И. Д. Делянова, довольно быстро разрѣшились въ мою пользу. Мнѣ сначала было дозволено остаться въ Москвѣ до выслуги пенсіи, а за два съ чѣмъ-то года до этого, самый срокъ пенсіи былъ нѣсколько сокращенъ. Я получилъ возможность раньше срока переселиться въ Петербургъ, не подвергаясь долѣе непріятности постоянныхъ разъѣздовъ между двумя нашими столицами и городами, Университетомъ и Академіей.

Но помимо моихъ личныхъ интересовъ и соображеній мое избраніе въ академики и переселеніе въ Петербургъ имѣло и другое значеніе въ глазахъ обоихъ почтенныхъ старцевъ, проводившихъ меня въ это высшее ученое учрежденіе. Уже давно Н. Х. Бунге, въ своихъ бесѣдахъ и свиданіяхъ съ К. С. Веселовскимъ, подѣлились общею мыслью и желаніемъ изданія въ Россіи политико-экономическаго словаря. По мнѣнію обоихъ ученыхъ, уже давно созрѣла необходимость намъ имѣть нѣчто въ этомъ родѣ, хотя въ опредѣленіи подробностей академики и расходились. Константинъ Степановичъ считалъ, что для Россіи нуженъ такой же, по возможности, сообразно научнымъ силамъ, ученый словарь, какъ знаменитый словарь государственныхъ наукъ Конрада („*Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Herausgegeben von Dr. I. Conrad u. a.*“). Напротивъ, Бунге думалъ, что на первый разъ

достаточно будетъ, ежели словарь будетъ значительно сокращенныхъ размѣровъ и имѣть характеръ лишь справочный, въ родѣ извѣстнаго англійскаго словаря „Dictionnary of Political Economy by R. H. Inglis Palgrave“, или еще короче. Въ 1895 году, когда рѣшился въ принципѣ вопросъ о моемъ избраніи въ члены Академіи и переселеніи въ Петербургъ, оба почтенныхъ академика съ жаромъ ухватились за осуществленіе мысли о словарѣ, вслѣдъ за моимъ переселеніемъ. Преклонные годы и слабое здоровье мѣшали имъ обоимъ лично заняться сложнымъ дѣломъ изданія. Поэтому Николай Христіановичъ и Константинъ Степановичъ рѣшили, для осуществленія мысли, воспользоваться моимъ присутствіемъ и осуществить планъ о словарѣ подъ моей фактической редакціей и, разумѣется, при ихъ ближайшемъ и благосклонномъ къ этому дѣлу участіи. Такъ дѣло это между нами и было рѣшено. Я еще не былъ даже утвержденъ академикомъ послѣ выборовъ, а между нами шла довольно дѣятельная переписка по поводу предполагаемаго словаря. Оба старца были такъ дѣятельны, что, не откладывая дѣло въ долгій ящикъ, уже выработали записку по поводу словаря для внесенія ея въ историко-филологическое отдѣленіе Академіи и собрали всѣ необходимыя для этого справки. Министръ финансовъ С. Ю. Витте, у котораго по этому поводу зондировалъ почву Н. Х. Бунге, отозвался о планѣ очень сочувственно и обѣщаль достать необходимыя для словаря деньги. Необходимо было, слѣдовательно, выработать подробности проекта и пустить дѣло на утвержденіе Академіи. Къ сожалѣнію, серьезной препоной къ успѣшному ходу дѣла явился я, противъ своей воли. Сначала, почему-то, утвержденіе мое, уже послѣ сдѣланныхъ выборовъ, сильно затянулось, затѣмъ къ маю я уже былъ утвержденъ, но вслѣдствіе серьезной болѣзни, которой страдалъ всю первую половину этого 1895 года, я, по настоянію врачей, вынужденъ былъ наскоро собраться и ѣхать за границу для серьезнаго леченія грязями въ Мариенбадъ, не заѣзжая въ Петербургъ. Тамъ я получилъ письмо отъ Николая Христіановича отъ 12 мая изъ Царскаго Села, гдѣ онъ проживалъ, съ упоминаніемъ, во-первыхъ, о моемъ утвержденіи ординарнымъ академикомъ, и во-вторыхъ, что по поводу словаря послѣ совѣщанія съ сочувствовавшими этому предпріятію лицами, было рѣшено *ждать моего возвращенія изъ-за границы, такъ какъ рѣшеніе многихъ вопросовъ, съ этимъ связанныхъ, безъ меня было бы затруднительно*. О томъ же самомъ увѣдомилъ меня скоро и Веселовскій, а сверхъ того Николай Христіановичъ переслалъ мнѣ записку, ими составленную, для внесенія въ конференцію Академіи. Вотъ ея содержаніе:

„Въ послѣдніе годы въ русской политико-экономической литературѣ замѣтно значительное оживленіе. Объ интересѣ, пробудившемся въ читающемъ обществѣ къ этой отрасли знаній, можно судить по числу издаваемыхъ книгъ и по числу статей политико-экономическаго содержанія, помѣщаемыхъ въ періодическихъ изданіяхъ. Въ этомъ движеніи, однако, болѣе замѣтно желаніе удовлетворить возникшія потребности, чѣмъ стремленіе къ серьезному изученію текущихъ вопросовъ. Съ одинаковою легкостью превозносятся и осуждаются развитіе или сѣуженіе финансовой дѣятельности государства, тѣ или другіе способы обезпеченія народнаго продовольствія, возстановленіе обращенія монеты, развитіе кредитныхъ операцій, тѣ или другія формы земельной собственности, начиная отъ маіоратовъ и оканчивая такъ называемою „націонализаціею“ земли.

Возникновеніе противоположныхъ мнѣній вызывается у насъ не столько служеніемъ извѣстнымъ интересамъ, какъ это часто бываетъ въ Западной Европѣ, сколько нѣкоторымъ незнакомствомъ съ исторіею экономическихъ явленій и съ основными положеніями, выработанными и жизнью и наукой.

Поэтому казалось бы полезнымъ предпринять изданіе Словаря экономическихъ наукъ, заключающаго въ себѣ, по преимуществу, фактическую разработку важнѣйшихъ предметовъ, относящихся къ народному и государственному хозяйству. Само собою разумѣется, что безъидеальнымъ такое изданіе быть не можетъ, но въ немъ необходимо устранить всякую односторонность въ направленіи. Въ этомъ отношеніи образцомъ могъ бы служить „*Hanwörterbuch der Staatswissenschaften*“ Конрада.

Подобный Словарь могъ бы сдѣлаться настольною книжкою не только для многихъ служащихъ, нуждающихся въ теоретическихъ и фактическихъ справкахъ, но и для каждаго образованнаго чело-вѣка, желающаго или разъяснить себѣ извѣстный вопросъ, или, приступая къ его изученію, найти также и указаніе литературы предмета.

Предпринимая подобное изданіе, Академія, при даровомъ участіи своихъ сочленовъ по политической экономіи и статистикѣ, могла бы пригласить сотрудниковъ за извѣстную плату изъ числа ученыхъ и служащихъ по Министерствамъ: Финансовъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Путей Сообщенія и по Государственному Контролю. Участіе Академіи въ дѣлѣ послужило бы ручательствомъ относительно серьезнаго направленія, а также и того, что послѣднее будетъ доведено до конца.

На изданіе двухъ томовъ, считая въ каждомъ по 50 листовъ въ 2 столбца, потребуется по прилагаемому расчету круглымъ чи-

словъ около 15.000 руб. Если бы эти деньги были отпущены въ теченіе двухъ лѣтъ по 7.000 р. на каждый томъ, то было бы обезпечено не только изданіе Словаря, но также его продолженіе и выпускъ новыхъ изданій, конечно, подъ условіемъ, что отпущенныя суммы будутъ отнесены къ спеціальнымъ средствамъ Академіи, имѣющимъ опредѣленное назначеніе“.

Двумя недѣлями позднѣе я получилъ еще письмо, увы, послѣднее, отъ почтеннаго Николая Христіановича, гдѣ онъ сообщаетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и о судьбѣ нашего общаго Словаря:

„Искренне уважаемый Иванъ Ивановичъ,

„Очень обрадовало меня извѣстіе, что воды принесли вамъ пользу. Я тоже пью Киссингенъ. Встаю въ 5 часовъ и гуляю, но безъ музыки, только нѣтъ, увы, той жизни, которая прельщала меня на водахъ. Царское Село вообще городъ съ домами, но безъ жителей, а теперь, кажется, ихъ еще менѣе:

„Императорская чета ведетъ очень уединенную жизнь, приѣмовъ нѣтъ, Александровскій паркъ закрытъ, такъ что отсутствіе оживленія совершенно естественно. Въ послѣднія двѣ недѣли я былъ замученъ работою. — Витте притянулъ меня въ разныя засѣданія, въ томъ числѣ и сахарное, которое портитъ мнѣ много крови, потому что придется опять регламентировать, если не синдикатъ, то какой-нибудь способъ для ограниченія производства!...

„Въ сущности, никакой потери не произойдетъ отъ того, что дѣло объ изданіи Словаря будетъ отложено до Вашего возвращенія. Вѣдь все равно до сентября денегъ не потребуется, и ничего написано не будетъ.

„Чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ предположеніе К. С. Веселовскаго, тѣмъ болѣе отдаю справедливости его основной мысли, но тѣмъ болѣе сомнѣваюсь, чтобы она была легко осуществима. Я предпочелъ бы „справочный“ Словарь—ученому, но такая книга быть можетъ не для Академіи.

Искренне желаю вамъ полного выздоровленія

Сердечно преданный Вамъ

Н. Бунге“.

Затѣмъ наступила нѣкоторая заминка въ нашей корреспонденціи. Я довольно долго не получалъ никакихъ извѣстій, какъ внезапно прочелъ въ читальнѣ Курорта Мариенбада, въ русской газетѣ, печальную телеграмму о внезапной кончинѣ Николая Христіановича... Въ его лицѣ для Россіи умеръ одинъ изъ полезнѣйшихъ ея гражданъ, а для меня лично дорогой, можно сказать покровитель и другъ, расположеніемъ котораго я пользовался много лѣтъ безъ всякой съ моей

стороны заслуги, и я даже не знаю, имѣлъ ли я право на такое доброе, истинно дружеское къ себѣ расположеніе и вниманіе!? Какъ относился Николай Христіановичъ ко всѣмъ моимъ научнымъ трудамъ, поддерживалъ во мнѣ бодрость духа, нужную энергію и чувство самоуваженія, можно судить по тѣмъ лестнымъ для меня похваламъ и снисходительному сужденію, которыя онъ высказывалъ всегда къ моимъ работамъ. Такъ, на примѣръ, еще въ 1890 году отъ 11 Іюня, я получилъ отъ него нижеслѣдующее письмо съ столь доброй оцѣнкой о моемъ „Курсѣ Финансовъ“, только что передъ этимъ ему посланномъ. Письмо я получилъ, также находясь за границей, въ Цюрихѣ. Вотъ оно:

„Многоуважаемый Иванъ Ивановичъ!

„Благодарю Васъ за „Основныя начала финансовой науки“, которыя я получилъ на этихъ дняхъ и спѣшу поздравить тѣхъ, которые будутъ по нимъ учиться, — съ возможностью быстро, легко и основательно ознакомиться съ предметомъ.

„Мнѣ приходилось четыре раза приниматься за преподаваніе финансовъ. Я читалъ Финансовое Право въ Лицеѣ Кн. Безбородко въ 1845—1850; потомъ года два въ Университетѣ, въ 60-хъ годахъ, и наконецъ составилъ два курса для моихъ Августѣйшихъ слушателей въ 1863—64 и 1888—89 годахъ. Поэтому вы не поставите мнѣ въ вину, если я отнесусь къ вашему труду критически.

„Ваши „Основныя Начала“ по ясности изложенія, по умѣнію связывать факты съ теоретическими соображеніями напоминаютъ Леруа Боле, но Леруа болѣе написалъ трактатъ, а не учебникъ.—Вы избѣжали философствованія Штейна, абстрактности Вагнера (я не говорю объ его Исторіи налоговъ въ XIX вѣкѣ—это образцовое изслѣдованіе) и нѣкоторой сухости Рошера.—Я не сопоставляю Вашей книги съ „Steuerpolitik“ Шеффле—это не учебникъ, а изслѣдованіе,—Вамъ, если я не ошибаюсь, можно поставить въ упрекъ только одно, что вы не остановились достаточно на тѣхъ финансовыхъ задачахъ, которыя пытались разрѣшить Вагнеръ, а въ особенности Шеффле.—Я поклонникъ послѣдняго и ставлю очень высоко его попытки внести свѣтъ науки и общихъ началъ въ практическіе вопросы. Во всякомъ случаѣ Ваше сочиненіе одно изъ немногихъ, которымъ я искренне желаю возможно большаго успѣха, потому что успѣхъ его будетъ успѣхомъ финансовыхъ знаній въ Россіи.

„Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и всегдашней преданности.

Н. Бунге“.